

ские рукописи — Дрезденская (XII в.), Мадридская (XV в.) и Парижская (до XV в.). Они содержат помимо текста многочисленные цветные рисунки, изображающие богов. Для более раннего, классического периода (I тысячелетие н. э.), мы располагаем только археологическими источниками — многочисленные изображения религиозного характера на каменных скульптурах, фресках, терракоте и расписной керамике. Однако отождествлять богов классического периода с божествами пантеона майя XVI в. следует с предельной осторожностью.

В целом Р. В. Кинжалов вполне справился с поставленной задачей и довольно убедительно осветил признаки и функции основных богов из пантеона майя XVI в.

Новым и оригинальным моментом в этой главе является и постановка вопроса об экономической базе майяского жречества. «Хотя в источниках майя, — пишет Р. В. Кинжалов, — об этом прямых указаний нет, можно думать, что, как и в других областях Месоамерики, им (формально храмам и божествам) принадлежали урожай с отдельных видов земель...» (стр. 292). В дополнение к этому можно сослаться на хронику испанского автора Санчеса де Агиляра (1639 г.), где прямо говорится, что жрецы и храмы имели собственные плодородные земли, которые обрабатывались общиной в целом. Урожай с этих полей помещался в специальные хранилища при храмах и был предназначен для содержания жрецов⁶.

Монография Р. В. Кинжалова «Культура древних майя» — это крупный вклад в американистику, важная веха на пути изучения древних цивилизаций Нового Света.

⁶ Sanchez de Aguilas Pedro, Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatan, año de 1639 (в изд. Ruiz de Alarcon, y otroz «Fratado de las idolatrias...», Mexico, 1953, p. 244).

В. И. Гуляев

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Д. Д. Тумаркин. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг. М., 1971, 443 стр., илл.

Судьба населения Гавайских островов не впервые привлекает внимание советских исследователей. Помимо ряда статей на эту тему написаны монографии Г. П. Куропятника¹ и автора рецензируемой книги². Концентрированная этнографическая характеристика населения Гавайского архипелага дана в томе «Народы Австралии и Океании»³. В настоящей монографии исследован решающий — и роковой — для коренных жителей Гавайев период, когда был нанесен сильнейший удар по их культуре, в общественном строе произошли коренные изменения, катастрофически ускорились вымирание гавайцев, а фактическими хозяевами архипелага стали американские капиталисты.

Исследование Д. Д. Тумаркина основано на солидной источниковедческой базе. Автор широко использовал материалы шести советских архивов, преимущественно Архива внешней политики России, а также микрофильмы, полученные из Главного Государственного архива Великобритании. Анализируются обширные документальные публикации, главным образом материалы конгресса США и другие официальные издания, а также пресса того времени — русские журналы, американские газеты и т. д. Очень богатый источник автор нашел в записках, дневниках, воспоминаниях современников описываемых событий. Здесь и сочинения гавайцев, и книги самых разнообразных американских авторов (в том числе Германа Мелвилля и Марка Твена), а также англичан, французов и др., но обильнее всего использованы записки русских путешественников — от морских офицеров до революционеров-изгнанников. Этот последний вид источников еще мало используется нашими исследователями, а между тем он сулит им интересные и богатые находки. Введение автором книги в научный оборот многих материалов такого рода заслуживает всяческого одобрения.

Первая глава книги носит, в известной мере, вводный характер. В ней освещена социальная организация гавайцев до начала колонизации. Находившиеся, по-видимому,

¹ Г. П. Куропятник, Захват Гавайских островов США, М., 1958.

² Д. Д. Тумаркин, Вторжение колонизаторов в край вечной весны. Гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в конце XVIII—начале XIX вв., М., 1964.

³ Народы Австралии и Океании», («Народы Мира. Этнографические очерки»), М., 1956, гл. 30.

на стадии образования раннеклассового общества, они, по мнению автора, стояли на более высокой ступени общественного развития, чем другие полинезийские народы. Кратко очерчена самобытная культура гавайцев, которая оказалась под ударом с самого открытия Гавайских островов экспедицией Кука в конце XVIII в. Именно тогда на Гавайях появились спиртные напитки, проституция и венерические болезни, которые вместе с другими новыми для Гавайцев недугами в дальнейшем сильно способствовали вымиранию островитян. Завезенное европейцами огнестрельное оружие усилило междоусобные войны. Внедрение торговли и новых товаров, в частности металлических орудий, содействовало разрушению прежнего патриархального уклада и ускорило развитие производительных сил. Натиск колонизаторов способствовал созданию на Гавайских островах в начале XIX в. единого государства с постоянной армией, которое возглавил король Камеамеа I, сравнивавшийся современниками то с Наполеоном, то с Петром Великим.

Уже при Камеамеа I все больше силы и власти на Гавайских островах стали забирать американские купцы. Последующие две главы посвящены их основным промыслам на архипелаге в 1-й половине XIX в. Это — заготовка сандалового дерева и китоловство.

Гавайский сандал американские судовладельцы продавали с большой прибылью в Китае. На Гавайях они вовлекали в торговлю местных вождей, которые заставляли рядовых общинников рубить сандал. Все это, развиваясь по цепной реакции, привело к неисчислимым бедствиям для островов. Сандаловые леса были очень скоро истреблены. Общинники, которых сгоняли на рубку сандала, не могли заниматься, как прежде, земледелием и рыболовством, и острова все чаще посещал голод. Многие работники погибали в горах во время заготовки сандала, которая становилась тем труднее, чем меньше оставалось этого драгоценного дерева.

Еще более тяжелые последствия имело для Гавайских островов превращение их в главную базу американских китобойных судов, ведших промысел в северной части Тихого океана. снабжение китобоев топливом и продовольствием привело к вырубке лесов, к разведению стад крупного рогатого скота и коз, объедавших траву, листья и кору деревьев. Погибли леса, на месте которых остались выветривающиеся склоны. Природной сфере обитания гавайцев были таким образом нанесены невосполнимые потери. Сифилис распространялся еще интенсивнее, чем прежде, а эпидемии дизентерии, дифтерии, кори, гриппа и т. д. тысячами косили островитян, не имевших защиты от этих болезней. Множество молодых гавайцев вербовалось матросами на китобойные суда и навсегда покидало родину. Все это ускорило вымирание коренного населения архипелага.

Торговые выгоды от снабжения китобоев, как прежде от продажи сандала, побуждали гавайскую знать сильнее эксплуатировать зависимых от нее рядовых островитян. По образу жизни знатные гавайцы старались все более походить на богатых иностранцев. Между тем в гавайских портах образовались иностранные, преимущественно американские, колонии, состоявшие из купцов и ремесленников (с семьями), которые обслуживали китобойные суда.

Касаясь вопроса о том, куда шли прибыли, извлекавшиеся этими путями из эксплуатации гавайского населения, автор дважды упоминает «первоначальное накопление» в США. «Так называемое первоначальное накопление», сущность которого вскрыл Маркс в «Капитале», на самом деле сводится к процессу генезиса капитализма. В Северную Америку раннекапиталистические отношения были перевезены из Европы готовыми, вместе с носителями этих отношений, европейскими переселенцами. Поэтому, вопреки распространенной в нашей научной литературе концепции, которой придерживается и автор рецензируемой книги, едва ли правильно говорить о «первоначальном накоплении» в Северной Америке. Тем более неправомерна характеристика «сандалового бизнеса» как «одного из каналов первоначального накопления в США» (стр. 44). Операции с гавайским сандалом относятся главным образом к 20—30-м годам XIX в., когда американский капитализм, как бы ни оценивалось его происхождение, был, так сказать, на полном ходу.

Наибольший интерес с этнографической точки зрения имеет, пожалуй, IV глава — о господстве американских миссионеров на Гавайях. Сложный материал этой главы, освещающий насильственную ломку религиозных воззрений гавайцев, их семейного строя и бытового уклада, проанализирован скорее с историко-социологической, чем с философско-психологической точки зрения. Автор совершенно правильно уделяет немалое внимание американским истокам деятельности гавайских миссионеров, в частности религиозному быту США. Ведь миссионеры в своей догматической ограниченности навязывали гавайцам не только чуждое им христианство в его протестантской разновидности, но и бытовые ограничения американского пуританства, вызывавшие энергичный протест в самих США. К таким ограничениям относятся, например, воскресные запреты, в корне противоречившие привычкам и мироощущению гавайцев.

В главе чрезвычайно отчетливо показана деятельность миссионеров как авангарда американских колонизаторов на Гавайях, как эксплуататоров гавайского народа, извлекавших из его угнетения немалые личные выгоды. Недаром потомки миссионеров образовали ядро той экономической олигархии, которая во второй половине XIX в. господствовала на Гавайских островах» (стр. 154). Убедительно продемонстрирован тот ущерб, который миссионеры нанесли духовной жизни и даже физическому существованию островитян. Деятельность миссионеров, по меткому замечанию автора, «лишила островитян воли к сопротивлению, морально разоружала их перед лицом колонизаторов» (стр. 104).

Власть миссионеров, опиравшихся на гавайскую знать, была очень велика. Современники даже сравнивали Гавайи под их владычеством с иезуитским государством в Парагвае. Впрочем, как отмечено в книге, подобные миссионерские королевства возникали в тот же период и на других островах Океании. Вообще широкий сравнительно-исторический подход является одним из достоинств этой книги. Так, сообщая о гавайских сектах, сочетавших в своем вероучении элементы христианства с прежними культами и являвшихся формой борьбы с колонизаторами, автор указывает на движения такого же характера в Океании, а также в Америке и Африке — вплоть до наших дней. Религиозные движения этого типа в иных районах исследовались и другими советскими авторами⁴. Сектантское движение на Гавайях существовало ряд десятилетий. Его характеризовали эсхатологические и хилиастические воззрения; некоторые секты проповедовали уравнительный коммунизм. В главе отмечается синкретизм у христианизированных гавайцев — явление, также весьма характерное для разных географических областей и разных исторических периодов.

Из протеста против владычества американских миссионеров многие крещенные ими островитяне переходили в католичество. Насаждавшееся французскими миссионерами, которые старались подорвать влияние церкви-соперницы и державы-соперницы, оно долго являлось на Гавайях преследуемой религией. Кроме того, католические миссионеры гораздо терпимее относились к местным обычаям. Привлекли к себе многих последователей на Гавайях и мормоны, заимствовавшие некоторые гавайские обряды и говорившие о гавайском народе с уважением.

Указы миссионеров, проводившиеся в жизнь при посредстве подчинявшихся им гавайских властей, грубо вторгались в повседневный быт островитян. Под их давлением одежда европейско-американского образца к середине XIX в. появилась, как сообщается в книге, почти у всех рядовых гавайцев.

Эта одежда — непривычная, не подходившая к местному климату — нанесла большой вред здоровью островитян, на что указывал еще Н. Н. Миклухо-Маклай. Особенно необходимой европейская одежда считалась для женщин — из соображений пуританской нравственности. Но это привело к противоположным результатам, так как женщины, не имевшие денег на покупку одежды, добывали их проституцией. Последняя приобрела за время господства миссионеров огромные размеры, а если миссионеры и пытались ее ограничить, то иностранные моряки поднимали бунты. Проституция способствовала еще более широкому распространению венерических болезней, которые быстрым темпом вели коренных обитателей островов к вымиранию. В 1823—1853 гг. их число уменьшилось наполовину — и продолжало убывать в дальнейшем (стр. 117), что, разумеется, объяснялось и другими, упоминавшимися выше причинами.

Такой же результат имело не менее грубое вмешательство миссионерского режима в семейно-брачные отношения гавайцев. Семьи «пуналуа», в том виде, в каком обрисовал ее Л. Г. Морган, получивший информацию у американских миссионеров, на Гавайях не существовало⁵. Ко времени появления колонизаторов у рядовых гавайцев господствовал парный брак с элементами моногамии, а в высшем слое — многоженство. Через сто лет моногамия победила, но главной причиной этого, как подчеркивает автор, явились существенные перемены во всем укладе жизни, приведшие к распаду большесемейной общины и выделению малой семьи. Христианизации автор справедливо отводит в этом процессе второстепенную роль. Миссионерам не удалось побороть традиционные добрачные и внебрачные связи, а суровые наказания за них и за рождение внебрачных детей (как и недостаток продовольствия и подушная подать) серьезно увеличили число аборт и детоубийств и ускорили убыль населения.

Как и во многих других колониальных странах, миссионеры, движимые нуждами религиозной пропаганды, создали на Гавайях письменность и устроили школьную систему по европейско-американскому образцу. Принудительный характер этого обучения, охватывавшего вначале взрослых, вызывал недовольство и сопротивление островитян. В то же время пуританские запреты подавляли самобытное искусство, спортивные состязания, увеселения. Но при малейшей возможности естественные влечения гавайцев прорывались, как показывает сообщаемый в книге случай, когда в 1843 г. были разрешены 10-дневные празднества (стр. 266). Народная культура угасала еще быстрее самих гавайцев — вымирали ее знатоки.

Характерно, что наряду с пуританскими нравами, американские миссионеры насаждали на Гавайях расовую сегрегацию в культе: для возраставшего белого населения Гавайев строились одни церкви, для гавайцев — другие.

Деятельность миссионеров вызывала сопротивление гавайского народа. В книге подробно рассказывается о борьбе островитян против американских церковников. Но представляется неубедительным утверждение о революционной ситуации на Гавайях в конце 30-х годов (стр. 137).

⁴ См., например: Б. И. Шаревская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М., 1964, ч. II.

⁵ Эта проблема была рассмотрена автором книги в специальной статье. См.: Д. Д. Тумаркин, К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII—начале XIX вв., «Сов. этнография», 1954, № 4.

В гл. V, «Аграрный переворот на Гавайских островах. Насажение плантационной системы», освещена аграрная реформа 1848—50 гг., ее причины, ход и последствия. На Гавайях была в те годы узаконена частная собственность на землю, все большую часть которой прибирали к рукам иностранцы, иногда — путем смешанных браков с богатыми гавайскими наследницами. Переворот в поземельных отношениях был связан с распространением сахарных плантаций. Иностранцы использовали землю также для создания скотоводческих ранчо. обстоятельно разобрано в этой главе наделение земель рядовых гавайцев, на практике означавшее их экспроприацию.

Развитие на Гавайских островах плантационной системы, расцвет которой приходится на более поздний период, привело к полному изменению демографической и этнической ситуации на архипелаге. Местное население не могло обеспечить плантации рабочей силой — здесь, как и в других случаях, возникают аналогии с североамериканскими индейцами. В 50-х гг. начался ввоз на гавайские плантации китайских кули, и в 1889 г. китайцы составляли уже 20% населения островов (стр. 197). В дальнейшем еще большее количество плантационных рабочих было ввезено из Японии, а в XX в. — с Филиппин и из других районов земного шара, так как плантаторы предпочитали иметь дело с рабочими разных национальностей. На плантациях работали даже русские эмигранты из Сибири.

Полное развитие этих важнейших процессов находится за хронологическими рамками рецензируемой книги, а потому они рассматриваются в ней кратко. Автор совершенно справедливо пишет: «История ввоза законтрактованных рабочих в „край вечной весны“, условия их жизни и работы на плантациях, постепенная „американизация“ этих иммигрантов, современное положение их потомков должны стать предметом специального подробного исследования советских историков и этнографов» (стр. 196).

В двух последних главах дан подробный анализ международной борьбы вокруг Гавайских островов, который отличается широтой охвата проблем. Разумеется, много внимания уделено внешней политике США, которую автор совершенно правильно выводит из особенностей внутреннего развития этой страны. Но при освещении проблемы кое-где с излишней подробностью приводятся данные, ставшие уже известными из работ советских историков США.

Автор не без основания применяет к американской колонизации Гавайев понятие «границы» (frontier), столь значительное для всего периода освоения Северной Америки. В книге рассказывается о том, что существовали проекты превратить Гавайи в американскую переселенческую колонию: заселить ее американскими фермерами, вытеснив коренных жителей (как делалось на американском Западе), и тем самым поставить европейских претендентов на архипелаг перед свершившимся фактом (такая тактика тоже применялась на американском Западе). На практике осуществился плантационный вариант колониальной экспансии. Гавайскими островами овладели американские плантаторы, эксплуатировавшие полурабский труд восточноазиатских кули (почти как на американском Юге). Недаром цитируемые в книге современники так часто сравнивали Гавайи с Техасом, которым в те же десятилетия завладела американская плантаторская вольница, присоединившая его затем к США.

В связи с попытками захвата Гавайев Соединенными Штатами дается глубокий анализ американского экспансионизма. Для середины XIX в. он интересно охарактеризован как проявление слабости, а не силы американского капитализма, отягощенного конфликтом между системой рабства и системой свободного труда.

Книга обладает несомненными литературными достоинствами. Она написана хорошим языком и читается легко. Однако встречаются в ней неудачные переводы цитат, нередки и литературные штампы. Очень жаль, что рецензируемая работа не снабжена указателями. Нет даже указателя имен, обычно имеющегося в наших изданиях. Да и без предметного указателя в такой сложной по материалу работе нелегко ориентироваться.

Жаль, что в книге нет историографической и источниковедческой главы. При богатстве ее базы в том и другом отношении подобный анализ представлял бы большой интерес.

Несмотря на отмеченные выше отдельные недостатки и спорные места, исследование Д. Д. Тумаркина представляет собой весьма интересный и ценный историко-этнографический труд, открывающий новую страницу советской историографии и проливающий свет на ряд важных проблем прошлого и настоящего.

Ш. Богина